

УБѢЖДЕНІЕ И УСЛОВІЯ ЕГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Изслѣдованіе условій происхожденія убѣжденій важно прежде всего съ отвлеченно—научной стороны не только для психологіи, задача которой вообще изслѣдовать душевную жизнь и уяснять ея законы, но едвали не болѣе того для философіи. Какъ-бы мы ни понимали слово „убѣжденіе“, всякій согласится, что однимъ изъ первыхъ признаковъ всякаго убѣжденія является признаніе чего-либо за истину, увѣренность въ чемъ-либо;—другими словами: однимъ изъ первыхъ признаковъ убѣжденія оказывается самый первый и основной признакъ всякаго познанія: гдѣ ничто не признается за истину, нѣтъ ни въ чемъ увѣренности. —тамъ явно нѣтъ и познанія, тамъ есть развѣ лишь мнѣнія, предположенія, представленія—не больше. Изслѣдуя условія происхожденія убѣжденій, мы тѣмъ самымъ, стало быть, частію изслѣдуемъ вопросъ о происхожденіи нашихъ познаній вообще, подготовляемъ въ значительной мѣрѣ почву для рѣшенія основныхъ вопросовъ о природѣ, а, слѣдовательно, и значеніи всѣхъ нашихъ познаній.

Не менѣе важно знать условія, при которыхъ образуются сильныя и стойкія убѣжденія, и для ближайшаго примѣненія этихъ познаній къ жизни и дѣятельности. Знать условія образованія человѣческихъ убѣжденій — значитъ знать одно изъ первыхъ условій образованія человѣческаго характера, въ которомъ живыя и сильныя убѣжденія составляютъ самую существенную черту. Отчетливо представлять условія происхожденія убѣжденій, стало быть, то же самое, что ясно видѣть первѣйшія условія и средства воспитанія и самовоспитанія.

Вслѣдъ за указаніемъ несомнѣнной важности вопроса, естественнѣе всего было бы выяснить самый предметъ, о которомъ рѣчь,—опредѣлить „убѣжденіе“, указавъ ясно, полно и точно, что мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ. Но, не отказываясь вполнѣ отъ этой задачи, мы, тѣмъ не менѣе, рѣшительно отказываемся отъ попытки точно опредѣлить убѣжденіе. И это не потому, чтобъ насъ пугало существующее разнообразіе пониманій этого слова и естественно происходящая отсюда спутанность и невьясненность самого понятія „убѣжденіе“, или какое-либо другое затрудненіе, могущее встрѣтиться при опредѣленіи именно этого понятія;—нѣтъ, причиной такого отказа является просто сознаніе того, насколько трудно, даже невозможно, составить точное и вмѣстѣ содержательное, имѣющее ясный смыслъ опредѣленіе какого угодно понятія, будь оно самое обыкновенное и всѣмъ извѣстное. Возьмемъ для примѣра понятіе чернильницы. Любой учитель земской школы въ какомъ-нибудь селѣ, изоцрившійся въ составленіи своеобразныхъ опредѣленій, при посредствѣ которыхъ принято уяснять ученикамъ встрѣчающіяся въ прочитываемыхъ ими статьяхъ слова и понятія, на вопросъ: „что такое чернильница?“ безъ особаго раздумья и затрудненія отвѣтитъ: чернильница есть сосудъ для храненія чернилъ. И что-жь? На первый взглядъ, оно какъ будто и такъ: опредѣленіе высказано точно и вѣрно; указанъ родовой признакъ—сосудъ и видовая разность—какой именно сосудъ, для чего именно онъ назначенъ. Но, чтобъ указать недостатокъ высказаннаго опредѣленія, достаточно спросить: а бутылъ, въ которой хранятся чернила и по временамъ наливаются въ чернильницу, будетъ-ли также чернильницей? Равно бочка наполненная чернилами будетъ-ли чернильницей? Если-жь нѣтъ, то почему? Потому, что съ представленіемъ чернильницы мы привыкли соединять извѣстный, хотя не строго опредѣленный внѣшній видъ. Повидимому, такимъ образомъ, ясно, что въ опредѣленіи не достааетъ указанія внѣшняго вида опредѣляемаго сосуда; но какъ сдѣлать это указаніе? Чернильницы бываютъ различныя по виду. Перечислить всѣ возможные виды? Но, не говоря о томъ, что это будетъ замѣной опредѣленія раздѣленіемъ, т. е. указаніемъ видовъ понятія взамѣнъ указанія общаго всѣмъ видамъ признака,—

не говоря уже объ этомъ, перечислить всѣ возможные виды чернильницъ невозможно уже потому, что на другой день по составленіи нашего опредѣленія могутъ появиться въ продажѣ чернильницы особаго вида, не предусмотрѣннаго нашимъ опредѣленіемъ. Итакъ, виѣшній видъ чернильницъ по необходимости приходится оставить въ сторонѣ. Но въ такомъ случаѣ чѣмъ же отличается бутылъ или бочка, наполненная чернилами отъ чернильницы? Величиной? Но не говоря о томъ, что различіе большаго и малаго—различіе относительное, крайне неопредѣленное,—что если-бъ какой-либо владѣлецъ торговой конторы ради шутки заказалъ чернильницу обыкновеннаго вида, но въ сажень въ поперечникѣ и поставилъ ее среди своей конторы для пользованія служащимъ въ ней,—неужели-бы мы не признали этотъ сосудъ чернильницей только за то, что она весьма велика? Впрочемъ, смѣтливый, изучившій логику семинаристъ IV класса съумѣлъ-бы выпутаться изъ всѣхъ этихъ затрудненій, сказавъ: чернильница есть сосудъ извѣстнаго рода, пазначенный для храненія чернилъ. При всѣй своей неопредѣленности эти магическія слова „извѣстнаго рода“ устраняли-бы всѣ вопросы о величинѣ и виѣшнемъ видѣ чернильницы; но за то много-ли бы давали эти слова дѣйствительнаго содержанія для мысли? Будучи довольно безупречнымъ съ чисто виѣшной стороны, опредѣленіе было бы въ сущности на половину лишено всякаго опредѣленнаго содержанія, было бы безсодержательно. Помимо всего этого, самыя слова „пазначенный для храненія чернилъ“ могли-бы возбудить педоразумѣніе: ну, а если я, купивъ чернильницу, налью ее водой и поставлю въ клѣтку канарейки, давъ тѣмъ самымъ ей совершенно иное пазначеніе,—останется-ли она тогда чернильницей? Если не останется, то явно, что нельзя говорить и о существованіи пустыхъ чернильницъ въ лавкахъ, нельзя и спрашивать: продаются-ли у васъ чернильницы? ибо пришлось бы признать, что чернильница становится чернильницей лишь послѣ того, какъ въ нее нальютъ чернилъ. Если-жъ согласиться съ этимъ было бы странно, то пришлось бы признать, что, говоря о пазначеніи чернильницы для храненія чернилъ, мы понимаемъ это пазначеніе идеально, т. е. не въ томъ смыслѣ, что она въ дѣйствительности пазначена для этого, а въ томъ, что по идѣ своей,

чернильница назначается для храненія чернилъ. Такимъ образомъ получилось, что для опредѣленія чернильницы намъ пришлось коснуться самой идеи ея и, прежде опредѣленія дѣйствительно существующей чернильницы, заняться опредѣленіемъ чернильницы идеальной. Но пусть бы такъ;—при ближайшемъ разсмотрѣніи окажется, что составить опредѣленіе идеальной чернильницы не менѣе трудно. Если уже зашла рѣчь объ идеѣ чернильницы, то самъ собою является вопросъ: въ чьей головѣ, въ чьей мысли была эта идея? Рабочій стекляннаго завода, дѣлавшій чернильницу, ни мало не имѣлъ въ виду ея идеи,—его занимало не то, насколько она будетъ пригодна для храненія чернилъ, а то, насколько удовлетворитъ требованіямъ хозяина завода и сколько ему выдадутъ за работу денегъ. Весьма вѣроятно могло случиться также, что не имѣлъ въ виду идеи чернильницы и самъ хозяинъ завода: въ его мысли назначеніе производимыхъ его заведеніемъ чернильницъ было не то, чтобъ въ нихъ хранились чернила, а то, чтобъ ихъ продать и выручить деньги. Оказывается, что, говоря: чернильница по идеѣ назначена для храненія чернилъ, мы принуждены здѣсь самое слово „идея“ понимать не просто, т. е. не въ томъ смыслѣ, что такая идея дѣйствительно имѣлась въ виду при производствѣ чернильницы, а въ нѣкоторомъ иномъ, переносно-идеальномъ смыслѣ, т. е. что она должна-бы была имѣться или, если угодно, осуществлялась безсознательно. Такимъ образомъ, въ погонѣ за вполне точнымъ, научнымъ опредѣленіемъ даже такой простой вещи, какъ чернильница, мы послѣдовательно добрались сперва до идеальной чернильницы, а затѣмъ и до идеальной идеи или, другими словами, до идеальной идеальности... Что было бы, еслибы мы захотѣли опредѣлить „убѣжденіе“? Относительно пониманія чернильницъ, повидимому, всѣ согласны и, тѣмъ не менѣе, забравшись даже въ превыспреннюю высъ идеальной идеальности, мы чернильницы все таки не опредѣлили; относительно же пониманія того, что называется убѣжденіемъ нашлось бы не мало разногласій и поэтому напередъ уже можно предположить, что, принявшись опредѣлять убѣжденіе, мы, точно также не достигнувъ цѣли, только по-напрасну забрались бы въ такую заоблачную даль всякихъ отвлеченныхъ идеальностей, для безопаснаго возвращенія

откуда на землю до сихъ поръ еще не изобрѣтено соотвѣтственнаго парашюта. Поэтому, вмѣсто опредѣленія, мы постараемся лишь возможно ближе уяснить, что мы разумѣемъ подъ убѣжденіемъ, указавъ болѣе ярко выступающіе его признаки, не гонясь за отвлеченно научной точностью и полной безупречностью чисто логическаго опредѣленія.

Болѣе ярко выступающимъ признакомъ убѣжденія, отличающимъ его отъ другихъ видовъ увѣренности въ чемъ либо, довѣрія чему либо, является его сила, устойчивость. Читая въ газетѣ, что такого-то числа совершился бракъ Китайскаго государя, мы, ни мало не раздумывая, довѣряемъ этому извѣстію; но это вовсе не убѣжденіе: достаточно завтра прочитать въ той же газетѣ, что бракъ отложенъ, — и мы, также ни мало не думая, удѣлимъ свое довѣріе и этому извѣстію, отказавшись довѣрять прежнему. Другое дѣло, если мы встрѣтимся съ опроверженіемъ того, чему мы привыкли твердо вѣрить: тутъ слѣдствіемъ даже самыхъ, на первый взглядъ, очевидныхъ доводовъ противъ насъ бываетъ много, что нѣкоторое недоумѣніе, полусомнѣніе, желаніе ближе рассмотреть дѣло; а не рѣдко мы и вовсе не обращаемъ вниманія на прочитанныя опроверженія, кончая дѣло равнодушіемъ, сострадательной улыбкой, или извѣстной долей раздраженія. — Къ этому основному признаку убѣжденія иные присоединили бы еще живость его, какъ бы наглядность и жизненность, разумѣя подъ этимъ, что предметъ убѣжденія представляется ярко, живо, а тѣ слѣдствія, какія вытекаютъ изъ убѣжденій для жизни, настойчиво проводятся въ этой послѣдней. Но дѣло въ томъ, что оба эти признака, за немногими развѣ исключеніями, всегда совпадаютъ съ признакомъ силы убѣжденія: чему мы твердо и сильно вѣримъ, то мы ясно, отчетливо, ярко и живо и представляемъ; гдѣ нѣтъ этой живости представленія, тамъ (особенно увидимъ это ниже) сомнительна самая твердость убѣжденія. Равно, будучи твердо убѣждены въ чемъ либо, мы естественно будемъ принимать это во вниманіе въ своей дѣятельности: зная, что огонь жжется, мы не полѣземъ въ пламя. Съ другой стороны, возможны случаи исключенія: очень хорошо зная, что иное намъ вредно, мы все таки не отказываемся отъ вредной привычки; но это уже дѣло

воли, а не убѣжденія. Хотя, какъ увидимъ ниже, воля занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто въ выработкѣ убѣжденій, тѣмъ не менѣе вовсе не различать убѣжденія отъ его жизненнаго проявленія нельзя. Точно также можетъ случиться, что самое глубокое и жизнью оправдываемое убѣжденіе будетъ въ значительной мѣрѣ лишено живости представленія. Удрученный неудачами и постоянными преслѣдованіями за свою стойкость и вѣрность разъ усвоеннымъ убѣжденіямъ, посѣдѣвшій въ несчастіяхъ старикъ, можетъ быть, и не будетъ живо и ярко представлять предмета своихъ убѣжденій, — эту живость замѣнить грустно-холодное, покорное судьбѣ, пригнетенное, хотя и неизмѣннотвердое сознаніе истины и собственной правоты; но отъ этого его убѣжденія не станутъ менѣе твердыми, чѣмъ живыя, заманчиво-увлекательныя стремленія и мечты юноши, рисующія предъ его взоромъ цѣлый рядъ влекущихъ къ себѣ образовъ, — стремленія, въ искренность которыхъ и свою вѣрность которымъ онъ готовъ вѣрить, хотя, можетъ быть, на половину, если не больше, измѣнить имъ уже при самомъ вступленіи въ дѣятельную жизнь.

Иные хотѣли бы привнести признаки, заимствуемые изъ содержанія убѣжденій; говорятъ, убѣжденіе можетъ быть только въ чемъ либо важномъ. Но, не говоря о слишкомъ большой относительности различія важнаго и не важнаго, усиливающейся еще тѣмъ, что мѣркою степени важности здѣсь должно быть, очевидно, не что либо внѣшнее, а личное сознаніе отдѣльнаго человѣка, — не говоря уже объ этомъ, признакъ важности самъ собою уже косвенно заключается въ признакъ твердости: то, что для насъ не важно, къ чему мы равнодушны, не будетъ особенно обращать нашего вниманія, по отношенію къ этому у насъ не вырабатывается и какихъ либо особыхъ, устойчивыхъ взглядовъ, которыми мы не захотѣли бы пожертвовать. Я привыкъ издавна вѣрить тому, что въ Тибетѣ существуетъ Далай-лама; но еслибъ мнѣ стали утверждать, что его обязанности теперь распределены между многими лицами высшаго учрежденія по духовнымъ дѣламъ буддійскаго исповѣданія, или даже, что его никогда и не было, а что это былъ лишь предразсудокъ европейцевъ, не понявшихъ, что именемъ Далай-ламы называли большаго идола, въ присутствіи

и отъ имени котораго рѣшались важнѣйшія дѣла буддистовъ,—я принялъ бы все это во вниманіе, остался бы въ нѣкоторомъ недоумѣніи, —и только; возражать противъ этого я не сталъ бы. — Замѣчается также склонность сѣузить область убѣжденій исключительно областью нравственно-религіозной; но ужъ одно существованіе такъ называемыхъ политическихъ убѣжденій дѣласть такое сѣуженіе болѣе или менѣе одностороннимъ.

Найдутся, наконецъ, такіе, что скажутъ: убѣжденіемъ можно называть лишь увѣренность въ томъ, что лишено объективной доказуемости и потому не можетъ быть предметомъ точной науки, общепризнанной, неоспоримой истиной; увѣренность въ томъ, что $2 \times 2 = 4$ не есть убѣжденіе. Областью убѣжденій, поэтому, оказывается область личныхъ взглядовъ и стремленій, не допускающихъ строго объективной проверки, естественнымъ слѣдствіемъ чего, между прочимъ, и является неизбѣжность признать свободу убѣжденій. Доказать, что 2×2 не 5, а 4, можно; но доказать ложность чьихъ либо убѣжденій нельзя по ихъ сущности, какъ увѣренности, основывающейся на чисто личныхъ душевныхъ особенностяхъ, вызываемой исключительно личными потребностями. Но прежде всего самое понятіе объективной доказуемости вещь весьма условная. Высказывающіе выше приведенный взглядъ обыкновенно считаютъ объективно доказаннымъ лишь то, о чемъ говорятъ внѣшнія чувства, естественныя науки, исторія и математика; но какое право имѣли бы мы держаться именно этого взгляда, пренебрегая съ одной стороны безусловными скептиками и идеалистами, подвергающими сомнѣнію даже существованіе внѣшняго міра, съ другой—тѣми, кои считаютъ возможнымъ вполне разумно, научно и разсудочно доказать даже основныя положенія вѣры и нравственности. Мы не хотѣли бы такой предзанятости тѣмъ болѣе, что, вѣдь, и на самомъ дѣлѣ часто объективная доказанность даже и не возможна: всякая доказанность въ концѣ коренится все же на личномъ довѣріи силъ доказательства, его умѣстности въ данномъ случаѣ. Остается поэтому различать развѣ лишь сравнительно общепризнаваемое въ извѣстномъ кругу лицъ отъ болѣе частныхъ мнѣній. Но и въ этомъ случаѣ не видно данныхъ, которыя давали бы право слишкомъ рѣзко противопоставлять

личныя мнѣнія общепризнаваемымъ; настолько существенной разницы между ними нѣтъ. Правда, при обычномъ теченіи жизни общепризнаваемая мнѣнія рѣдко подвергаются сомнѣніямъ, рѣдко можетъ явиться борьба и необходимость выбора между общепризнаваемымъ и чѣмъ либо другимъ уже въ силу того, что это—нѣчто общепризнаваемое, нѣчто такое, чему не противостоятъ ничье частное мнѣніе; но, какъ только начинается переломъ жизни, начинается борьба мнѣній, тогда то самое, что прежде считалось всѣми рѣшеннымъ, оказывается вопросомъ,—и сразу дѣлается видно, что это общепризнаваемое для однихъ было дѣломъ сознательнаго, личнаго убѣжденія, въ силу чего они за него и борются, для другихъ же—лишь болѣе или менѣе безотчетно содержимымъ мнѣніемъ, съ которымъ человѣкъ соглашался, пока не было противъ него никакихъ возраженій, но отъ котораго онъ легко отказывается при первомъ удобномъ случаѣ. Такимъ образомъ, общепризнаваемые убѣжденія подобны камнямъ, степень твердости которыхъ трудно узнать лишь въ силу того, что имъ не приходится испытывать на себѣ ударовъ молота, тогда какъ личные взгляды, чаще подпадая ударамъ испытывающаго молота жизни, чаще даютъ видѣть степень своей твердости. Различіе, такимъ образомъ, оказывается далеко не существеннымъ.

Указавъ свое пониманіе убѣжденія, какъ сильной, устойчивой увѣренности въ чемъ либо, перейдемъ къ указанію условій образованія такой увѣренности. Источникомъ того, что будемъ говорить, преимущественно будетъ собственное наблюденіе какъ надъ явленіями собственной душевной жизни, такъ и надъ жизнью другихъ людей, внутренній міръ которыхъ по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ былъ намъ болѣе или менѣе близко извѣстенъ. Въ видахъ поясненія, болѣе яркаго представленія дѣла, а также и доказательности, мы будемъ пользоваться рассказами о подходящихъ случаяхъ. Рассказы эти, конечно, не будутъ имѣть значенія ссылки на факты въ тѣсномъ смыслѣ слова;—чтобъ доказать что либо общее, какой либо законъ фактами, для этого потребовалось бы слишкомъ много ихъ, дѣлать же обобщенія на основаніи единичныхъ случаевъ было бы не состоятельно,—наши рассказы будутъ имѣть въ виду лишь

возбудить въ умѣ и сердцѣ читателя цѣлую вереницу воспоминаній имъ самимъ когда-то пережитаго или того, что онъ не разъ наблюдалъ въ другихъ, читалъ въ книгахъ, но на что до сихъ поръ не обращалъ особаго вниманія.

Однимъ изъ первыхъ условій твердости и устойчивости убѣжденія является привычка къ нему и въ силу этого образующаяся обыкновенно твердая связь (ассоціація) со всѣмъ строемъ душевной жизни, съ большинствомъ отдѣльныхъ взглядовъ, стремленій, чувствованій, привычекъ. Пусть это будетъ связь чисто внѣшняя, случайная, не вытекающая изъ существа дѣла, — но разъ она произошла и твердо укоренилась, будь это лишь связь случайной ассоціаціи и безотчетной привычки, она сильно заявляетъ о себѣ, особенно въ тѣ мгновенія, когда приходится окончательно рѣшать дѣло. Кому не извѣстны случаи, что при всей ясности логическихъ доводовъ противъ мнѣнія, къ которому человѣкъ привыкъ, послѣдній не въ силахъ совершенно согласиться съ вами, хотя самъ не только не въ силахъ ничего возразить, но даже прямо признаетъ и высказываетъ это? Его охватываетъ чувство какой-то новизны и странности, и онъ никакъ не рѣшается признать что либо опредѣленное, останавливаясь на недоумѣніи, если только, не много спустя, привычка не уничтожитъ даже слѣдовъ временнаго недоумѣнія. Бываетъ, ученикъ, начитавшійся различныхъ сочиненій отрицательнаго направленія, привыкшій къ авторитету науки и печатнаго слова, но желавшій бы вѣрить, самъ приходитъ къ человѣку, которому онъ готовъ довѣрять, превосходство котораго передъ собой готовъ признать. Начинается рѣчь, недоумѣнія выясняются, получается прямое, ясное, положительное рѣшеніе вопроса, но несогласное съ тѣмъ, что такъ часто приходилось читать, — и что же? Самъ сознавая, что нечего сказать, юноша лишь чувствуетъ, какъ позади его встаетъ этотъ сонмъ людей, которыхъ онъ былъ склоненъ считать столь проницательными, умными, честными, сочиненіями которыхъ онъ увлекался..... и онъ говоритъ, какъ бы въ слухъ выражая свое неопредѣленное раздумье: да почему же они-то всѣ такъ писали? неужели они не понимали того, что, повидимому, такъ ясно? Ему какъ-то странно, даже

страшно чувствовать свое личное превосходство предъ павшими авторитетами! А вѣдь это превосходство несомѣнно, если вѣрно все то, что сейчасъ онъ слышалъ и понималъ. Еще мгновение, и легко можетъ случиться, что онъ готовъ будетъ все слышанное признать ловкимъ софизмомъ, а себя невѣждою, не могущимъ понять обмана. Еслижъ въ такомъ положеніи окажется человѣкъ не вполне образованный, напр. раскольникъ, которому будетъ ясно показано его заблужденіе, онъ, какъ бы въ нѣкоторомъ изступленіи, въ которое его повергнетъ ясное сознаніе неопровержимости доводовъ противника, изрыгнетъ лишь хулу на дьявольское навожденіе, производимое сидящею въ непобѣдимомъ миссіонерѣ темною силою. Въ иныхъ случаяхъ, болѣе мирные, не разъ сознавшіе превосходство православія старообрядцы, при всемъ сознаніи, что лучше бы по существу дѣла быть въ церкви, подавляемые, тѣмъ не менѣе, силой привычки, глубоко угнетаемые при одной мысли оставить вѣру отцевъ, порвать всѣ связи съ своимъ прошлымъ, съ глубокимъ вздохомъ сознаютъ свое безсиліе и съ вызывающею сожалѣніею, какъ бы невольною, покорностью року, благодарятъ наставника православія за его труды, говоря въ тоже время, что они не въ силахъ оставить то, чему вѣрили и по чему жили ихъ отцы, хотя бы это было и не совсѣмъ правильно.

Но въ обоихъ случаяхъ разрывъ съ прошлымъ и родственнымъ не заявляетъ себя въ такой степени, какъ это можетъ случиться въ иныхъ обстоятельствахъ: и ученикъ средняго учебнаго заведенія, и раскольникъ, мѣняя свои убѣжденія, не перестаютъ чувствовать себя русскими, сынами своей родины, своего народа; не то бываетъ, когда переменна вѣры влечетъ за собой отчужденіе отъ всего роднаго, хотя бы и не имѣющаго никакой существенной, логической что ли, связи съ прежними убѣжденіями. Здѣсь можетъ случиться, что не только одно мгновеніе безсильно переменить привычное убѣжденіе, но даже въ продолженіи многихъ лѣтъ постепенно установившееся намѣреніе переменить вѣру, при окончательномъ рѣшеніи, оказывается безсильнымъ побороть всю ту поднимающуюся изъ глубины души мглу самыхъ разнообразныхъ, давно забытыхъ, но въ послѣднее мгновеніе воскресающихъ съ новой силой

чувствъ, порывовъ, привычекъ, какая всё въ своимъ безсвязнымъ, тѣмъ не менѣе гнетущимъ сердце, разнообразіемъ совершенно затемняетъ ясность мысли, дѣлая почти невозможнымъ разсужденіе, и переводя все дѣло въ область мучительной борьбы различныхъ сердечныхъ влеченій. Представьте такой случай. Даровитый, мирнаго нрава, добродушный, съ чертами миловидности въ лицѣ, мальчикъ еврей отданъ былъ бѣднымъ отцемъ въ гимназію. Здѣсь забылось различіе вѣры и народности: наставники цѣнили даровитость и прилежаніе, законоучитель добродушно обращался къ нему на урокахъ по исторіи Ветхаго Завѣта, спрашивая, какъ учать у нихъ, дѣлая примѣненіе къ училищной жизни притчи о милостивомъ самарянинѣ; образъ Господа Иисуса Христа привлекалъ мальчика на урокахъ Новаго Завѣта, ему полусознательно правилось чувствовать, что и Господь и всё апостолы — его соплеменники, евреи; товарищи любили его за свойственное евреямъ добродушіе, равно какъ и черные, ярко очерченные темными рѣсницами глаза и правильныя черты лица возбуждали къ нему сочувствіе. Въ то же время его мать содержала семинаристовъ, которые добродушно спорили съ нимъ о вѣрѣ, смѣясь и шутя, но не унижая молодаго товарища игръ и загородныхъ путешествій. По окончаніи гимназіи онъ поступилъ въ высшее учебное заведеніе. Отношенія въ общемъ были тѣже; здѣсь, вдали отъ семьи, онъ почти забылъ, что онъ еврей; тѣмъ временемъ померъ отецъ. Онъ сталъ чувствовать себя, какъ и часто бываетъ въ юности, человѣкомъ вообще, пожалуй русскимъ, мирился съ мыслью о нравственномъ превосходствѣ христіанства; идеи христіанства, цивилизаціи, прогресса отождествились въ его умѣ; еврейство съ его привязанностью къ мелочамъ и буквѣ казалось застосемъ, застарѣлымъ остаткомъ средневѣковой исключительности, и онъ самъ не рѣдко смѣялся надъ обрядами своей вѣры. Знаете, говорилъ онъ товарищамъ, почему въ субботу курить грѣхъ? Законъ запрещаетъ разводиться огонь, какъ и всякую работу, а вѣдь закурить нельзя, не чиркнувъ спичкою. — Постепенно онъ становился въ душѣ христіалипомъ: — не то, чтобъ онъ тщательно обсудилъ всё догматы христіанства — кто же когда обсуждалъ всё частности своихъ убѣжденій? — но онъ думалъ такъ: вѣдь и

христіане поклоняются тому же Богу Израилеву; съ другой стороны, талмудъ съ его мелочами глупъ и мелокъ, а христіанство нравственно-возвышенно, всеобъемлюще, безъ него невозможна истинная цивилизація, — въ частности — личность Христа не можетъ быть сравнена рѣшительно ни съ чѣмъ въ исторіи. Тѣмъ временемъ, ходя въ качествѣ учителя, въ русскую семью, онъ познакомился съ молодой дѣвушкой, и между ними скоро завелись не высказываемыя, но хорошо чувствуемыя обычныя отношенія, какія столь естественны между молодымъ, здоровымъ, милостивымъ юношей и дѣвушкой. Былъ конецъ третьяго курса; мелькнула мысль о женитьбѣ и вмѣстѣ сама собой явилась мысль выразить явно для всѣхъ то, что чувствовалось, что высказывалось въ близкомъ кругу, — стать христіаниномъ, креститься. Онъ явно высказалъ это своимъ товарищамъ; они отнеслись сочувственно, лишь одинъ замѣтилъ, что это дѣло требуетъ искренности убѣжденій. Мгновенное, мимолетное раздумье мелькнуло въ глазахъ юноши, тѣмъ не менѣе онъ вполне искренно отвѣтилъ: такъ вѣдь развѣ я на самомъ дѣлѣ не предпочитаю христіанства?

Вскорѣ онъ освоился съ этой мыслью; кончились экзамены, и вотъ, прежде чѣмъ отправиться домой, онъ захотѣлъ окончательно рѣшить дѣло и креститься. Сегодня вечеромъ обдумаю хорошенько, сказалъ онъ себѣ, а завтра заявлю священнику. Онъ не безъ увлеченія представлялъ себѣ свое намѣреніе: разъ покончу со всѣмъ, буду новымъ человѣкомъ, прощай, хотя добродушная, но узкая замкнутость, думалъ онъ. Но, какъ только онъ ясно представилъ себѣ, что рѣшается бросить вѣру отцевъ, — какъ нерѣдко бываетъ въ минуты окончательныхъ рѣшеній — сердце его сжалось, какъ бы что то кольнуло его, ему стало какъ-то безотчетно жалко чего-то роднаго, привычнаго. Прощай, вѣра отцевъ, подумалъ онъ, все еще болѣе рѣшаясь оставить ее, чѣмъ не оставить, -- и впалъ въ тихое раздумье: онъ хотѣлъ какъ бы проститься на послѣдокъ съ своей вѣрой. И вотъ сами собой побѣжали въ его воображеніи знакомыя, давно забытыя воспоминанія. Вотъ вечеръ пятницы, стемнѣло, показались звѣзды, и все притихло въ бѣдномъ еврейскомъ жилищѣ. Зажглись ярко свѣчи въ небольшой горницѣ, тихо и мирно собралась родная семья за сто-

домъ встрѣчать субботу, день покоя, день отрѣшенія отъ мірскихъ заботъ и тревожныхъ. Отчетливо выступаетъ въ памяти полное выраженія какой-то тихой покорности высшему опредѣленію, морщинистое, обросшее сѣдой, вьющейся бородой, полное доброты, лице отца; вотъ онъ какъ бы слышитъ, какъ онъ наскоро, но съ полнымъ сознаниемъ важности дѣла, бормочетъ священныя слова. Случайно припоминается его отвѣтъ одному христіанину, указывавшему на пророчество Моисея и судьбу евреевъ, какъ на доказательство того, что Богъ отвергъ ихъ за непризнание Мессіи. „Насъ наказываетъ Господь потому, что все мы много грѣшимъ. Кто исполняетъ законъ? Напрасно жалуются на притѣсненія: иные народы только орудіе въ рукахъ Всевышняго; Онъ попускаетъ имъ гнать насъ за то, что не соблюдаемъ Его святаго закона“. Эти слова какъ-то странно жгутъ его сердце своею кротостью и миролюбіемъ, вмѣстѣ роняютъ искру сомнѣнія: въ самомъ дѣлѣ, можемъ ли мы рѣшить, гдѣ истинная вѣра? Можетъ быть въ судьбѣ народа еврейскаго лишь исполняются слышанныя имъ отъ законоучителя слова: ихъ же любить, тѣхъ и наказуетъ? Да и мыслимо ли, чтобъ Всемилосердый навѣки отвергъ свой избранный народъ? вѣдь сами христіане признаютъ, что мы народъ избранный! Да и чѣмъ виновато это множество, правда, темныхъ, но искреннихъ людей? — Но въ противоположность этому выступаетъ образъ пріятеля семинариста, и въ ушахъ звучать сказанныя имъ давно когда-то слова пророка: народы, которые не поработаютъ Іерусалиму, запустѣніемъ запустѣютъ. Предъ нимъ выступаетъ Египетъ, Индія, древній Вавилонъ, Персія, Китай, сравнительно новое мусульманство, и онъ чувствуетъ какъ надъ нимъ исполняются слова пророка въ противоположность судьбѣ народовъ христіанскаго міра. Онъ не въ силахъ отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія, оно поработаетъ его своей величественной, жизненной правдой; логика отошла на задній планъ, онъ болѣе не въ состояніи разсуждать въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, — началась борьба представлений, образовъ, чувствъ: предъ нимъ міръ живой, идущій впередъ, — міръ христіанскій, и міръ упадка и застоя, запустѣнія — остальной міръ. Итакъ, принять христіанство? А мать? Что скажетъ она? И ему вспоминается образъ ти-

хой старушки-матери, прѣхавъ къ которой на каникулы домой, онъ сѣлъ не по обычаю за обѣдъ безъ шалки. Она, не сказавъ ни слова, грустно посмотрѣла на него; ему показалось, въ глазахъ ея блеснула слеза. Съ тѣхъ поръ онъ никогда не рѣшался дѣлать непріятнаго матери, — а теперь? прѣхать крещенымъ... Сердце его сжалось, онъ легъ на постель. А что сказалъ бы отецъ, теперь лежащій въ могилѣ? О! хоть бы ты, мысленно обращается къ нему, всталъ и пришелъ, сказалъ мнѣ, что мнѣ дѣлать? сказалъ, гдѣ истица? Свыше силъ человѣческихъ рѣшать этотъ вопросъ жизни и смерти... Мысль объ отцѣ наводитъ на воспоминанія дѣтства: вотъ первые годы ученья въ еврейской школѣ, годы бессмысленнаго зазубриванья непонятнаго древняго подлинника священныхъ книгъ. Смѣшанно странное чувство вызываетъ это воспоминаніе: что-то сухое, тяжкое и вмѣстѣ милое, дорогое сердцу, какъ все касающееся далекаго дѣтства. И вотъ, случайно припоминается разсказъ о построеніи башни Вавилонской и смѣшеніи языковъ... Какой-то странной молніей блеснулъ этотъ разсказъ въ измученной душѣ юноши: вотъ гдѣ корень всей борьбы: будь мы всѣ одного племени, всѣ русскіе или всѣ евреи — живо несутся мысли въ его головѣ — вопросъ далеко не имѣлъ бы такой мучительности; тогда не пришлось бы, становясь христіаниномъ, порывать всякую связь съ отцемъ и матерью, становиться врагомъ своего народа. О Боже, Боже! Отцы согрѣшили въ гордости своей, а мы несемъ тяжесть Твоего проклятiя! Теперь только понялъ я всю тяжесть этой кары! Простодушнаго русскаго мужика обираетъ его родной кулакъ и его уважаютъ, а если начнетъ обирать его еврей, его ненавидятъ, презираютъ, гонятъ. И кто здѣсь виноватъ? Отцы согрѣшили, а мы, ихъ потомки, несемъ наказаніе. И вдругъ ко всему этому прибавилось новое соображеніе: если онъ, пока дѣло не дошло до окончательнаго рѣшенія, давно мирившійся съ мыслью стать христіаниномъ, оказался безсильнымъ предъ поднявшимися въ послѣднюю минуту чувствами и порывами, то развѣ не можетъ случиться того же и съ дорогой ему дѣвушкой? Захочетъ ли она стать женой еврея? Все спуталось, смутилось въ его душѣ; онъ чувствовалъ, что рѣшительно не въ силахъ болѣе разсуждать; въ его

измученномъ, пригнетенномъ воображеніи выступилъ лишь грозный, подавляющій образъ Вавилонской башни, этого дѣла гордости отецъ и придавилъ его своею тяжестью. Чтобъ только не мучиться больше, онъ тупо рѣшилъ не трогать болѣе этого вопроса и завтра же уѣхать домой. На другой день, сидя въ вагонѣ желѣзной дороги, угнетенный и молчаливый, онъ боялся коснуться мыслію вчерашняго вопроса; но помимо его воли, видъ случайно попавшаго въ вагонъ стараго еврея, или мелькнувшая не вдалекѣ отъ дороги сельская церковь производили въ его душѣ тупые, но, тѣмъ не менѣе, мучительные уколы, вновь вставала предъ нимъ образъ Вавилонской башни и давилъ его своей громадой.

Бываютъ, конечно, случаи и противоположнаго рода. Случается, что взглядъ, усвоенный съ дѣтства, какъ былъ усвоенъ, такъ и держится безотчетно, въ силу одной лишь привычки; а между тѣмъ, самъ того не замѣчая, человѣкъ болше и болше усваиваетъ иные частныя взгляды и вкусы, идущіе въ разрѣзъ съ издавна усвоеннымъ общимъ взглядомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ отказъ отъ этого взгляда не требуетъ непремѣннаго разрыва со всѣми существовавшими въ душѣ наклонностями, и чувствами. Въ такомъ случаѣ бываетъ, что одно слово производитъ рѣшительную перемѣну въ душѣ человѣка. Такіе примѣры указываетъ графъ Толстой въ своей исповѣди. Такъ, разъ достаточно было, чтобъ человѣку среднихъ лѣтъ, ставшему передъ отходомъ ко сну на молитву, сказали: „а ты еще все это дѣлаешь?“ достаточно было, чтобъ этотъ человѣкъ разъ на всегда покончилъ не только съ молитвой, но и съ вѣрой. Здѣсь дѣйствовали указанныя выше условія: привычка молиться ни мало не стояла въ связи со всѣмъ душевнымъ строемъ человѣка, а лишь сохранялась, какъ случайный остатокъ чего-то прошлаго, стараго, подобно старому хламу, который во время забыли выбросить вонъ.

Такимъ образомъ, увѣжденіе тѣмъ устойчивѣе, чѣмъ въ большей связи, логической ли то, или психологической, стоитъ со всѣмъ строемъ душевной жизни, со всѣми прочими взглядами, чувствами, стремленіями и тѣмъ съ болшой легкостью усваивается, чѣмъ болѣе соответствуетъ уже существующему складу души. Напротивъ, гдѣ нѣтъ такого

соотвѣтствія, тамъ сама собою возникаетъ борьба, е́сли не логическая, то психологическая, какъ въ выше указанныхъ случаяхъ, при чемъ не рѣдко дѣло такъ запутывается, что самъ человѣкъ бываетъ не въ состояннн дать себѣ отчетъ въ томъ, что отъ чего зависитъ: сомнѣнн отъ нежеланн тѣхъ послѣдствнй, которыя необходимо вытекаютъ изъ убѣжденн, или нежеланн этихъ послѣдствнй отъ сомнѣнн. Извѣстно, что изслѣдователи произведеннй Шекспира далеко не согласны въ рѣшенн вопроса относительно дѣйствительныхъ причинъ душевной борьбы Гамлета. Тѣнь отца, указавъ ему убійцу, приказала мстить; но Гамлетъ впалъ въ мучительное раздумье, подвергнувъ сомнѣнню вѣрность сообщенныхъ ему свѣдѣннй относительно убійцы. Здѣсь сомнѣнн относительно вѣрности свѣдѣннй могло служить препятствнемъ къ исполненну приказанн мстить точно также, какъ и самое отвращенн отъ мести и притомъ кровавой порождало сомнѣнн въ дѣйствительности подозрѣваемаго, хватаясь за него, какъ за послѣднее средство, какъ утопающнй за соломинку.

Отсюда-то проистекаетъ прямая или косвенная (смотря по силѣ сознательности относительно дѣйствительныхъ побужденнй принять или не принять извѣстный взглядъ) вмѣняемость убѣжденнй, ясно выраженная въ Евангелнн: чн дѣла хороши, тотъ самъ идетъ къ свѣту, напротивъ, тотъ, чн дѣла худы, ненавидитъ свѣтъ, боясь, чтобъ не обнаружились его дѣла (Іоан. III 18 — 20). Эта боязнь проявляется не всегда вполне сознательно, тѣмъ не менѣе, это отсутствне полной сознательности не исключаетъ совершенно вмѣняемости слѣдствнй. И кто знаетъ, — скажемъ мимоходомъ -- не руководится ли большинство людей, желающихъ оставить подъ сомнѣннемъ высочайшнй вопросы вѣры и нравственности, запутать въ противорѣчня и недоумѣнн самое христіанство, подобною полу-сознательною, полу-инстинктивною боязнью? Вѣдь, если явно признать, напр. христіанство, то нельзя будетъ извинять себя относительно неисполненн высокихъ требованнй, предъявляемыхъ Христовымъ ученнемъ во лѣ человѣка (Іоан. III, 19; V, 40; VII, 17; I Іо. IV, 6).

Послѣ всего сказаннаго понятно будетъ выраженне: жизнь вырабатываетъ убѣжденн. Это не то значить, что жизнь

и опытность даютъ болѣе данныхъ для разсудка, при помощи которыхъ послѣдній вырабатываетъ соотвѣтственные этимъ даннымъ убѣжденія, хотя это и вѣрно само по себѣ; это значить, развитіе тѣхъ или иныхъ привычекъ, склонностей, установленіе извѣстнаго душевнаго склада, является однимъ изъ главныхъ основаній того, почему мы впоследствии усвоаемъ одни убѣжденія и оставляемъ другія. Не соотвѣтственная убѣжденіямъ жизнь сама собою подрываетъ ихъ и не рѣдко ведетъ къ ихъ измѣненію, тогда какъ согласіе убѣжденій и жизни даетъ первымъ новую силу. Въ этомъ-то смыслѣ и можно сказать, что наши убѣжденія—преимущественно дѣло сердца и воли, что мы вѣримъ тому, что намъ нравится, чему мы хотимъ вѣрить, хотя, говоря такъ, мы нисколько не хотимъ говорить противъ возможности разсудочнаго оправданія убѣжденій.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ жизнь, согласная съ убѣжденіями, давала силу послѣднимъ исключительно косвеннымъ путемъ отсутствія всякой внутренней борьбы; согласная съ соотвѣтствующими нашей природѣ убѣжденіями жизнь полнѣе и непосредственнѣе раскрываетъ ихъ истинность предъ нашей душою, заставляя эту послѣднюю не только отвлеченно сознать разсудкомъ или чувствовать сердцемъ, но какъ бы дѣятельно переживать всѣмъ существомъ. Даже, видя въ другихъ яркое проявленіе чего либо возвышеннаго, прекраснаго, мы не рѣдко какъ бы непосредственно ощущаемъ, переживаемъ превосходство тѣхъ началъ, проявленіе которыхъ видимъ. Извѣстны случаи изъ первыхъ вѣковъ христіанства, когда видъ кроткихъ, любящихъ и вмѣстѣ непреклонныхъ, всецѣло преданныхъ своему Господу, терзаемыхъ и радующихся среди невыносимыхъ мученій, молящихся за мучителей мучениковъ христіанскихъ производилъ такое впечатлѣніе на зрителей, что иные изъ нихъ, непосредственно увлеченные величіемъ жизненнаго проявленія христіанства, охваченные живымъ убѣжденіемъ въ его истинности, тутъ же отдавали себя на смерть, заявляя, что и они вѣрятъ въ распятаго Бога.—Тѣмъ болѣе значенія для выработки твердаго убѣжденія имѣетъ не наблюденіе за дѣлами другихъ, а осуществленіе извѣстныхъ началъ въ своей собственной жизни. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ такой пріемъ оказывается почти единственно воз-

возвышеннѣе той, которую пытались нѣкоторые ввести лишь изъ чувства самоуваженія и холодной справедливости, лучше всего попытаться на дѣлѣ усвоить себѣ смиреніе и любовь ко всѣмъ окружающимъ, вслѣдъ за тѣмъ въ сердцѣ самъ собой откроется живой источникъ тишины, мира и свѣтлой радости, недоступной холодному самолюбію; если же имѣть въ виду живое убѣжденіе въ превосходствѣ высшихъ духовныхъ радостей и восторговъ предъ чувственными удовольствіями, то здѣсь выработка такого убѣжденія безъ дѣйствительнаго переживанія того и другаго вида душевныхъ состояній прямо не мыслима. Поэтому-то и самъ Господь указываетъ на осуществленіе въ жизни началъ Его ученія, какъ на лучший способъ убѣдиться въ его истинности; если кто хочетъ творить волю Божию, говорить Онъ, тотъ узнаетъ относительно ученія, отъ Бога ли оно, или нѣтъ (Іоан. VII, 16 и 17).

Но значеніе жизни, и въ частности—привычки, этимъ не оканчивается, извѣстно, что Декартъ считалъ основными признаками истинности мыслей и представленій ихъ ясность и раздѣльность. Насколько этотъ здравомысленный любитель истины преувеличивалъ значеніе помянутыхъ качествъ мысли, намъ нѣтъ нужды разбирать, — во всякомъ случаѣ его миѣніе содержитъ въ себѣ много правды: яркое, живое представленіе, да еще отличающееся отчетливостью, т. е. точнымъ и яснымъ сознаніемъ всѣхъ частныхъ, отдѣльныхъ признаковъ, сторонъ и ихъ взаимоотношенія,—такое представленіе само собой влечетъ къ себѣ, подкупаетъ въ свою пользу, вызывая къ себѣ невольное довѣріе.—Наоборотъ: можетъ ли человѣкъ имѣть твердое убѣжденіе въ томъ, чего онъ ясно себѣ даже и не представляетъ? Если и можетъ, то, во всякомъ случаѣ, самая эта смутность представленія, спутанность заключающихся въ немъ частныхъ признаковъ, обыкновенно, является однимъ изъ источниковъ сомнѣній, колебаній, однимъ изъ условій затрудняющихъ образованіе стойкихъ убѣжденій; и какъ только въ силу какихъ либо противныхъ вліяній эта трудность преодоленна, и явилось убѣжденіе, оно само собой стремится достигъ

ясности и живости представлений въ своей области. Поэтому-то мы и видимъ, что все человѣчество, влекомое всѣми силами души къ несомнѣнной вѣрѣ въ Божество и вмѣстѣ не будучи въ состояши ясно Его представить, повинуюсь невольному влеченію природы, всегда стремилось придать своимъ представленіямъ о Божествѣ возможную ясность, живость, наглядность, стремилось какъ бы пріурочить Бога къ извѣстному мѣсту, создавая храмы, придать ему внѣшній, доступный чувствамъ образъ. Не смотря на крайности и увлеченія въ этомъ направленіи язычества, даже законъ Моисеевъ даетъ необходимое удовлетвореніе этому стремленію человѣка ясно и отчетливо представлять Божество, узаконяя извѣстное мѣсто преимущественныхъ проявленій Вездѣсущаго, построя особый домъ для Его обитанія среди избраннаго народа и устанавливая опредѣленный порядокъ богопочтенія при средствѣ куреній и жертвъ,—не говоримъ уже о человѣкообразныхъ выраженіяхъ въ родѣ слѣдующихъ: и обонялъ Господь пріятное благоуханіе и сказалъ въ сердцѣ Своемъ: не буду больше проклинать землю за человѣка (Быт. VII, 21). Православіе, какъ извѣстно, прямо узаконяетъ многоразличные чины внѣшняго богопочтенія и, въ частности, иконопочтаніе, и развѣ лишь крайній, резонерствующій протестантъ можетъ отрицать психологическую необходимость этого. И чѣмъ менѣе развитъ человѣкъ, тѣмъ сильнѣе на него вліяетъ ясность и живость представлений; вѣдь именно этой-то ясностью и кажущейся точностью и раздѣльностью представлений и разсужденій матеріализмъ и увлекаетъ недалекое большинство своихъ послѣдователей; этимъ-то и объясняется, что яркая, образная рѣчь проповѣдника вліяетъ на толпу несравненно сильнѣе отвлеченныхъ разсужденій.

Но если таково значеніе яркости и ясности представлений, то весьма близко къ вопросу: отъ чего зависятъ эти качества? Не только не изъясняя притязаній, но даже прямо отказываясь перечислить всѣ тѣ условія, отъ которыхъ зависить яркость, ясность, живость и вмѣстѣ увлекательность представлений, влекущая къ ихъ усвоенію, къ вѣрѣ въ ихъ истинность, укажемъ одно изъ весьма важныхъ: здоровье и силу мозга и нервовъ ¹⁾. Для людей науки въ настоящее

¹⁾ Точное, обстоятельное указаніе того, какое именно состояніе мозга и

время эта мысль не нуждается въ доказательствахъ, но для большинства читателей—именно въ видахъ большей яркости и наглядности утверждаемой мысли—приведемъ одинъ изъ самыхъ обычныхъ примѣровъ. Семинаристъ IV-го класса, получивъ предъ масляной извѣстие о болѣзни матери, отпросился на первую недѣлю поста домой; прѣхавъ въ село, онъ засталъ мать уже выздоровѣвшею, но бывшія опасенія оставили слѣды, а рассказы о томъ, что благополучно миновало и вмѣстѣ замѣченные по дорогѣ дикія проявленія масляничнаго разгула, производили въ душѣ юноши мирное, полное глубокаго чувства, настроеніе, которое, въ виду предстоявшаго великаго поста, вызывавшихся домашней обстановкой воспоминаній дѣтства и видѣнныхъ масляничныхъ безобразій, само собой порождало увлекательно-поэтическое стремленіе къ аскетизму: вотъ теперь поговѣю дома, какъ слѣдуетъ, вновь переживу тѣ прекрасные, возвышенные дѣтскіе восторги, какіе испытывалъ во время училищной жизни, причащаясь въ своей церкви, — думалъ онъ и рѣшилъ дѣятельно воспользоваться представившимися благопріятными обстоятельствами, чтобъ стряхнуть приставшую пыль черствости, пустоты и равнодушія, какія онъ уже начиналъ замѣчать въ себѣ. Вечеромъ наканунѣ поста онъ особенно увлекся этой мыслью и, поддавшись, своеобразнымъ поэтическимъ мечтамъ, стремленіямъ и размышленіямъ въ этомъ направленіи, оставшись одинъ въ комнатѣ, проходилъ изъ угла въ уголь до 2-го часу ночи, твердо рѣшивъ на утро встать къ заутренѣ, которую, какъ онъ слышалъ, собирался служить отказавшійся уже отъ мѣста старичекъ священникъ. Первый же ударъ колокола стоявшей передъ домомъ церкви долетѣлъ до его слуха;—надо вставать,—не столько подумалъ, сколько почувствовалъ онъ,—и сладкій утренній сонъ только что разоспавшагося юноши сразу заявилъ о своей увлекательности... Подчиняясь принятому рѣшенію, онъ всталъ; охватившая его утренняя свѣжесть стараго дома произвела своеобразное при-

нервовъ благопріятствуетъ яркости представленій, силѣ чувства, рѣшимости воли—дѣло людей ближе изучающихъ жизнь человѣческаго тѣла (медиковъ, физиологовъ); мы здѣсь высказываемъ лишь общую мысль о зависимости душевныхъ состояній отъ тѣлесныхъ условій.

давливающее, невольно влекущее къ малодушію, настроеніе: гдѣ прежняя яркость и поэтическая прелесть тѣхъ образовъ, которые влекли его къ себѣ еще вечеромъ? Все стало какъ-то сухо, холодно, какъ будто лишено значенія и содержанія, и, только стыдно было прямо сознаться передъ собой—теплое одѣяло заключало въ себѣ несравненно болѣе какой-то особой, полной глубокаго мира, положительно поэтической прелести.... Но вотъ прошло два дня; плохое питаніе, утомленіе и однообразіе впечатлѣній произвели, наконецъ, то, что юный подвижникъ прямо уже сталъ ставить себѣ вопросы о смыслѣ и значеніи всей этой утомительной внѣшности, которая прежде представлялась столь поэтической, а теперь оказалась столь сухой и безсодержательной, и лишь попавшая въ руки запыленная книга вывела его изъ затрудненія: читая наставленія опытныхъ подвижниковъ начинающимъ, онъ увидалъ, что это искушеніе разочарованія и малодушія—общій удѣлъ всѣхъ не въ мѣру увлекающихся новичковъ, хотящихъ сразу достигъ высшихъ степеней совершенства безъ предварительной подготовки и развивающейся отсюда силы и стойкости, столь же душевной, какъ и тѣлесной; онъ понялъ, что всѣ такіе торопливые новички, какъ выражалась книга, „впадаютъ въ напасть“.

Какъ показываетъ опытъ, недостатокъ нервной бодрости прежде всего вліяетъ на чувство, на оцѣнку достоинствъ и значенія того или другаго, какъ это и случилось въ разсказанномъ случаѣ (то, что прежде было увлекательно и полно значенія, послѣ оказалось сухо и безсодержательно); но излишнее утомленіе мозга или расстройство нервовъ могутъ повести къ тому, что человѣку покажется сомнительнымъ то, что онъ прежде считалъ очевиднымъ; общій упадокъ силы и ясности сознанія вообще въ частности отзовется и на степени увѣренности въ томъ или другомъ. Но тотъ же опытъ показываетъ, что лучшимъ лекарствомъ противъ такого вліянія на нашу душевную жизнь и, въ частности, на яркость представленій и степень увѣренности состоянія тѣла является борьба и развивающаяся отсюда привычка. Если разъ человѣкъ не подчинится малодушію, рѣшится слѣдовать прежде усвоенному направленію, рѣшенію насильно удержать ослабѣвающую увѣренность, и если

послѣдующее оправдываетъ такой его образъ дѣйствій: въ минуты будущихъ сомнѣній и колебаній ему самъ собою припомнится этотъ бывшій случай и поможетъ устоять; а затѣмъ, какъ и всякій органъ развивается отъ упражненія, такъ и нервы постепенно укрѣнятся, а вмѣстѣ установится болѣе твердая ассоціація между этимъ слабымъ перво-мозговымъ состояніемъ и рѣшительными дѣйствіями мысли и воли, въ силу чего самая эта нервная слабость постепенно потеряетъ значительную долю своего вліянія. Такимъ образомъ, и здѣсь жизнь и привычка, смотря по тому, какое направленіе онѣ примутъ, могутъ или содѣйствовать не только укрѣпленію извѣстныхъ опредѣленныхъ убѣжденій, но и развитію общей стойкости и значительной свободы и независимости души отъ тѣла, или — въ случаѣ, если мы будемъ малодушно поддаваться собственнымъ слабостямъ, сомнѣніямъ, колебаніямъ—какъ разъ наоборотъ: развивать общую слабость и безхарактерность.

ЛЖИМЫИ

Но, пробѣгая наши замѣтки о вліяніи на выработку убѣжденій всѣхъ этихъ, такъ сказать, житейскихъ условій, читатель, вѣроятно, давно уже подумалъ: но что-жъ это до сихъ поръ нигдѣ ни слова о значеніи разсудка? неужели онъ такъ ужъ и не имѣетъ рѣшительно никакого значенія?—Безъ сомнѣнія имѣетъ,—что, конечно, понятно само собою,—но рѣчь о немъ оставлена была до сихъ поръ въ виду, прежде всего, слѣдующихъ двухъ основаній: чтобы мы ни говорили о силѣ, достоинствѣ и значеніи разсудка, безспорно, что поразительное большинство человечества въ самыхъ высшихъ, главнѣйшихъ и наиболѣе вліяющихъ на жизнь убѣжденіяхъ руководится менѣе всего разсудкомъ, поддаваясь преимущественному вліянію обычая, привычки, склонностей и тому подобнымъ побужденій; это во-первыхъ; во-вторыхъ, не только личный разсудокъ отдѣльнаго чловека въ большинствѣ случаевъ безсиленъ самъ собою рѣшить большую часть самыхъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ, но и о всей наукѣ настоящаго времени, и, въ частности, о философіи приходится сказать тоже самое: находя точныя и общепризнаваемые рѣшенія частныхъ вопросовъ, наука настоящаго времени безсилна дать вполнѣ точное, ясное и доказательное, а потому и общепризнава-

емое рѣшеніе высочайшимъ вопросамъ знанія и жизни, предоставляя ихъ рѣшеніе почти исключительно личной свободѣ каждаго. Въ этомъ-то именно сознаніи слабости науки въ ея стремленіи ясно доказать основныя истины знанія, вѣры и нравственности, главнымъ образомъ и коренится ставшее общепризнаннымъ положеніе, что убѣжденія, особенно въ области вѣры, суть дѣло личной свободы и не могутъ быть предметомъ посторонняго вниманія и принужденія. — Къ этому можно, наконецъ, прибавить слѣдующее: сущность разсудочной дѣятельности сводится къ выводу однихъ положеній изъ другихъ, прежде установленныхъ; сама по себѣ логика съ ея четырьмя основными законами не даетъ ничего поваго по содержанію. Отсюда ясно, что, коль скоро установлены основныя положенія — послышки, и мы убѣждены въ ихъ истинности, мы охотно согласимся и съ выводомъ; наоборотъ: коль скоро самыя послышки для насъ сомнительны, сомнителенъ будетъ и выводъ, хотя бы онъ и былъ вполнѣ логически правиленъ.

Но если одно положеніе можетъ быть выведено изъ другаго, то изъ третьяго и такъ далѣе: то вѣдь все-таки должны же быть первыя положенія, стоящія въ основѣ всего, — откуда берутъ они силу той убѣдительности, какую имѣютъ для насъ? Очевидно не изъ иного какого источника, какъ изъ непосредственнаго сознанія, какъ-бы ощущенія или переживанія нами ихъ истинности; а все это и дается намъ жизнію со множествомъ доставляемыхъ ею впечатлѣній, чувствъ, воспоминаній, даются внутреннею природою души съ заложенными въ ней стремленіями и внѣшними органами чувствъ съ ихъ средоточіемъ — мозгомъ. Кто мало жилъ, мало чувствовалъ, обладаетъ слабыми нервами, тотъ, естественно, будетъ имѣть сравнительно менѣе яркія представленія и менѣе сильную увѣренность отно- тельно того, что для другаго представляетъ явную, самоочевидную истину, а потому, какъ на песокъ нельзя основать твердаго большаго зданія, такъ и на этой общей слабости душевной жизни будетъ довольно трудно создать твердое устойчивое зданіе сильныхъ убѣжденій.

Такимъ образомъ, разсудокъ самъ зависитъ въ силѣ и убѣдительности отъ тѣхъ условій, преимущественное вліяніе которыхъ на выработку убѣжденій указывали мы выше.

Между прочимъ, вліяніе на силу разсудка нервнаго утомленія можно видѣть на опытѣ: нерѣдко, въ случаѣ борьбы влеченій и появившагося колебанія, мы, начиная обсуждать вопросъ, многое представляемъ ярко и ясно, признавая то или иное несомнѣннымъ; но, по мѣрѣ того, какъ душевная борьба и обсужденіе дѣла затягиваются, ясность сознанія начинаетъ меркнуть, многое перестаетъ представляться съ прежней яркостью и живостью; иное, прежде бывшее несомнѣннымъ, само начинаетъ возбуждать сомнѣніе, и въ концѣ дѣло можетъ дойти до того, что придется прекратить всѣ разсужденія, такъ какъ станетъ ясно, что, по мѣрѣ увлеченія ими, душевныя колебанія не только не уменьшаются, но все болѣе и болѣе возрастаютъ. Подобнымъ-же образомъ разсудокъ можетъ невольнo подчиняться и многимъ инымъ вліяніямъ. Ученикъ средняго учебнаго заведенія, вовсе не склонный вѣрить примѣтамъ, встрѣтилъ на пути въ училище трубочиста и получилъ въ тотъ день плохую отмѣтку; черезъ три дня повторилось такое-же совпаденіе; встрѣтивъ снова черезъ день трубочиста, ученикъ уже почувствовалъ невольную боязнь... Мелочной случай не могъ, конечно, оказать большаго вліянія; но положительныя и болѣе важныя удачи или неудачи въ проведеніи въ жизнь усвоенныхъ убѣжденій могутъ оказать и значительно большее вліяніе, — первыя усиливая, вторыя ослабляя силу убѣжденія.

Чтобы въ своихъ убѣжденіяхъ не поддаваться вліянію мнѣній большинства, — нужна особая стойкость. Своеобразное стадовое влеченіе свойственно не только животнымъ, какъ напр. значительной части травоядныхъ, но и большинству человѣчества. Вѣрить тому, чему вѣрить окружающее большинство, естественно и легко; напротивъ, держаться одному противъ мнѣній большинства не составляетъ труда развѣ лишь въ силу привычки или вслѣдствіе явнаго сознанія, что не согласное съ нами большинство слишкомъ недалеко въ умственномъ отношеніи, да и то въ томъ случаѣ, если мы не чувствуемъ себя духовно связанными съ этимъ большинствомъ. Новыя усвояемыя большинствомъ мнѣнія, такъ называемые ходячіе взгляды, обладаютъ довольно извѣстною своеобразною заразительностью, подобною той, какой обладаютъ иныя болѣзни: чловѣкъ

не только становится неспособнымъ разумно и сознательно относиться къ такимъ мнѣніямъ, но не рѣдко готовъ бываетъ сразу отрицать все то, что идетъ въ разрѣзъ съ ними, положительно придавая имъ значеніе критерія истины. И это тѣмъ болѣе, что полусознательное психологическое вліяніе можетъ въ этихъ случаяхъ получить извѣстную долю даже разсудочнаго подкрѣпленія: ошибаться, даже впадать въ помѣшательство свойственно людямъ; и вотъ, коль скоро приходится рѣшать вопросъ, кто болѣе правъ, здравомыслень, я, или все остальное, извѣстное мнѣ, большинство, не естественнѣе-ли предположить, что истина и здоровье не на моей сторонѣ? Съ точки зрѣнія чисто разсудочной такой выводъ, конечно, далеко не единственно возможный ¹⁾, но въ связи съ другими вліяніями онъ можетъ получить очень большую силу.

Наконецъ, если имѣть въ виду убѣжденіе вѣры, то нельзя не упомянуть объ одномъ изъ важнѣйшихъ условій—о вліяніи благодати. Но такъ какъ обстоятельное изложеніе всего того, что можно бы было извлечь относительно этого изъ св. Писанія, само могло бы составить отдѣльную статью, выскажемъ здѣсь лишь общія положенія. Получить твердое убѣжденіе въ истинности ученія Христова безъ высшей помощи нельзя: никто не можетъ придти ко Мнѣ, сказалъ Господь, если Отецъ Мой не привлечетъ его. Это, конечно, не отрицаетъ вліянія не только обычныхъ естественныхъ условій, но и свободы человѣка; даже наоборотъ, христіанство-то преимущественно и выдвигаетъ на первое мѣсто въ дѣлѣ вѣры свободу, желаніе человѣка вѣрить, дѣлая вѣру первѣйшею добродѣтелью; тѣмъ не менѣе, всякая истинная вѣра является все-таки лишь на половину дѣломъ человѣка и на половину, если не больше, дѣломъ благодати.—Что касается самаго образа

¹⁾ Понятно, что если всѣ отдѣльныя личности откажутся отъ своего разума и будутъ взаимно полагаться одинъ на другаго: Иванъ на Петра и Сидора, Сидоръ на Петра и Ивана, Петръ на Ивана и Сидора, то въ концѣ это будетъ равносильно общему отказу всѣхъ отъ разума и подчиненію случайно распространяющимся, неизвѣстно откуда возникающимъ мнѣніямъ. Притомъ, какъ показываетъ опытъ, такая именно, отказавшаяся отъ своего разума толпа, больше всего и способна подчиняться господству одной рѣшительной личности.

воздѣйствія благодати на человѣка, то здѣсь можно различать два главныхъ вида: 1) воздѣйствіе болѣе посредственное, пользующееся въ весьма значительной мѣрѣ естественными условіями, и 2) воздѣйствіе болѣе непосредственное. Такъ, съ цѣлью возбудить въ Моисеѣ твердую увѣренность въ томъ, что его дѣйствительно призываетъ Самъ Богъ, Господь прежде всего привлекъ его вниманіе видомъ чуда горѣвшей и нестаравшей купины. Здѣсь горѣшіе сыраго куста, горѣвшаго и нестаравшаго, было чудомъ; но все остальное, именно, что это явленіе привлекло вниманіе Моисея, что онъ подошелъ къ кусту, что, услышавъ изъ куста голосъ, въ виду всей необычайности явленія, повѣрилъ, что съ нимъ дѣйствительно говоритъ Господь,— все это было дѣломъ вполнѣ естественнымъ. То-же можно сказать о явленіи Господа Иисуса Савлу на пути въ Дамаскъ: самоявленіе было чудесно и для такого фанатическаго фарисея, какимъ былъ Савль, прямо необходимо; но всѣ остальные слѣдствія, какія это явленіе на ряду съ прозрѣніемъ послѣ крещенія, произвело на апостола языковъ, не представляютъ въ себѣ ничего особо сверхъестественнаго. Это примѣры перваго рода воздѣйствія. Но когда говорится, что Господь, явившись апостоламъ по воскресеніи, „отверзе имъ умъ разумѣти писанія“ (Луки XXIV, 45), то здѣсь приходится разумѣть нѣкое особое внутреннее просвѣтленіе ума апостоловъ, въ силу котораго отъ нихъ отпало свойственное имъ прежде немысліе („о, несмысленни и косни сердцемъ“ Луки XXIV, 25), и они стали ясно видѣть и понимать значеніе ветхозавѣтныхъ пророчествъ и прообразованій. Таково-же было дѣйствіе Св. Духа въ день пятидесятницы и таково-же его дѣйствіе на души людей во всякомъ таинствѣ. Но, конечно, оба эти вида дѣйствія могутъ и объединяться, взаимно дополняя одно другое; въ большинствѣ случаевъ божественный промыселъ такъ и ведетъ жизнь человѣка, что всѣ естественные и обычные случаи жизни,—если онъ не закрываетъ глаза,—даютъ ему пониманіе истины, и если онъ не противодѣйствуетъ ей, готовъ идти за нею, сюда присоединяется и высшее внутреннее озареніе, просвѣщающее и утверждающее человѣка.—Что касается основаній, по которымъ благодать посылается человѣку, то главнѣйшимъ

основаніемъ служить достоинство человѣка, готовность воспользоваться даромъ во благо. Повелѣвавшій ученикамъ не бросать бисера предъ свиніями, Самъ руководится тѣмъ же правиломъ, хотя, какъ Сердцевѣдецъ, смотритъ не только на настоящее, на дѣйствительность, но и на то, что можетъ случиться въ будущемъ, призывая не только благочестиваго, сочувствовавшаго избранному народу римскаго сотника, но и жестокаго гонителя и ненавистника имени Исусова—Савла, фанатизмъ котораго былъ дѣломъ искренней и высокой ревности, хотя и руководившейся заблужденіемъ.

Перечисливъ главнѣйшія условія образованія увѣжденных, сдѣлаемъ нѣкоторые общіе выводы изъ сказаннаго. Обратимъ вниманіе прежде всего на философію. Видя, какъ мало вниманія оказано было разсудку, логикѣ, наукѣ, и какъ много значенія приписано жизни, привычкѣ, даже нервамъ, какой-либо новѣйшій философъ со склонностью къ субъективизму, позитивизму, скептицизму и подобнымъ направленіямъ, вѣроятно, готовъ будетъ думать, что наша рѣчь объ условіяхъ образованія увѣжденных, сводя все дѣло къ личнымъ условіямъ, особенностямъ характера, организма, обстоятельствамъ жизни, лишній разъ подтверждаетъ истину скептическихъ взглядовъ на наше познаніе, дѣлая увѣжденіе личнымъ мнѣніемъ и уничтожая самый вопросъ объ объективной, единой, общей всѣмъ, истинѣ. Но на это отвѣтимъ слѣдующее: всѣмъ сказаннымъ столь же подтверждается истинность скептицизма, сколько и признаніемъ возможности заблужденія вообще, и въ частности—сумасшествія. Разъ допускается, что человѣкъ можетъ заблуждаться, даже прямо сойти съ ума,—а вѣдь сущность того и другаго въ томъ и состоитъ, что человѣку начинаетъ казаться явною истиною то, чего въ сущности вовсе нѣтъ, или что, по крайней мѣрѣ, далеко не таково, какимъ представляетъ его себѣ заблуждающійся,—то гдѣ порука, что всякій изъ насъ не заблуждается? Въ сознаніи своей правоты? Да, вѣдь, всякій сумасшедшій признаетъ себя правымъ, а противорѣчащихъ ему признаетъ или лжецами, или непонимающими. Но если мысль о возможности заблужденія не ведетъ необходимо къ полному скептицизму,

то не ведетъ къ нему и все сказанное нами;—напротивъ, болѣе точное и обстоятельное изслѣдованіе условій образованія убѣжденій можетъ дать въ руки всякому нить, держа за которую, онъ скорѣе можетъ выбраться изъ лабиринта человѣческихъ мнѣній и заблужденій, отличая случайно образовавшуюся привычку или сердечную склонность вѣрить чему-либо отъ законной увѣренности въ томъ, вѣрить во что заставляетъ самая природа человѣческаго разума, сердца и воли. Изъ сказаннаго нами относительно возможности познать истину должно вытекать слѣдствіе такое, которое, ни мало не потворствуя скептицизму, можетъ лишь немного сократить излишнее самомнѣніе философа, не въ мѣру увлекающагося логическими тонкостями и приписывающаго имъ чрезмѣрное значеніе. Какъ-бы мы высоко ни цѣнили науку вообще и какое-бы высокое значеніе ни приписывали въ частности разсудочному изслѣдованію условій нашего познанія, все-таки останется безспорною истина, вполнѣ выясненная еще Аристотелемъ: логика, разсудокъ дѣлаетъ выводъ не изъ ничего, а изъ посылокъ, уже существующихъ положеній; отсюда ясно, что первыя, основныя положенія—не дѣло разсудка, а дѣло опыта, чувства, воли, непосредственнаго созерцанія,—чего хотите, но не разсудка. А отсюда ясно, что основа всякаго познанія, всякой увѣренности,—далеко не въ одномъ разсудкѣ. Какъ философъ ни старался-бы доказать, положимъ, необходимость скептицизма, онъ ничего не пдѣлаетъ съ рѣшительнымъ, глубоко чувствующимъ юношей, который не перестанетъ вѣрить, не смотря ни на какіе софизмы. Съ другой стороны, философъ не докажетъ ложности скептицизма никакимъ указаніемъ заключающихся въ немъ внутреннихъ противорѣчій тому, кто при общей душевной и тѣлесной слабости поддался этой болѣзни отживающихъ поколѣній. Борьба съ сомнѣніями въ основныя истинахъ знанія, вѣры, нравственности—развѣ лишь на одну треть дѣло разсудка и на двѣ трети дѣло воспитанія, общей обстановки жизни, дѣло чистой и святой жизни, привлекающей высшее озареніе,—наконецъ дѣло врачей и, въ частности, врачей душевно-больныхъ.

Что касается воспитанія, училищнаго образованія, то здѣсь, прежде всего, должно помнить, что, если только мы

хотимъ развить и укоренить въ дѣтяхъ, въ юношахъ тѣ или иныя убѣжденія, мы должны стараться о цѣльности воспитанія, о томъ, чтобы всѣ частности, вся обстановка соотвѣтствовала общей цѣли. Въ частности: если хотите утвердить въ ученикахъ христіанскія убѣжденія, то нужно помнить, что одного изученія положеній христіанства и даже логическаго обоснованія его истинности далеко не достаточно для цѣли; надо, чтобъ, на ряду съ яснымъ пониманіемъ содержанія ученія Христова и отвлеченнымъ сознаніемъ его истины и превосходства, въ душѣ юноши образовался живой образъ, воплощающій въ себѣ идею христіанскаго совершенства, чтобъ ученикъ видѣлъ вокругъ себя примѣры искренняго, сознательнаго и живаго увлеченія истиной Христовой, чтобъ, наконецъ, онъ полюбилъ живо и сердечно самый основной образъ христіанскаго совершенства,—Самого Господа Иисуса, Который Самъ ставилъ любовь къ Нему основой всякаго совершенства, всякой добродѣтели, источникомъ вѣрности Ему на дѣлѣ, въ жизни, говоря: если любите Меня, соблюдайте Мои заповѣди (Іоан. XIV, 15). Говоря это, мы, конечно, хорошо понимаемъ, что сказать, *что* нужно сдѣлать, далеко не то-же, что сказать, *какъ* сдѣлать; но, не отрицая трудности этого послѣдняго указанія, скажемъ нѣчто о значеніи въ этомъ отношеніи искусства. Въ томъ-то и сила, увлекательность, въ томъ высшее значеніе искусства, что оно представляетъ идею не одному лишь уму въ видѣ сухаго логическаго опредѣленія, а, облекая ее въ живой и прекрасный, влекущій къ себѣ образъ, раскрываетъ ее столько же предъ умомъ, какъ и сердцемъ, возбуждая въ то-же время движенія воли, стремленія слѣдовать, подражать. А что же такое вся обрядность нашей Церкви,—да чуть-ли и не всякаго вѣроисповѣданія—храмы, образа, все это разнообразіе богослуженія, пѣснопѣній, какъ не воплощеніе въ живые поэтическіе образы христіанской идеи? Нужно лишь понять смыслъ, значеніе, глубокую красоту всѣхъ этихъ образовъ, чтобъ полюбить ихъ, чтобъ увлечься ими, а чрезъ нихъ и самой идеей. Вотъ, въ частности, высокая задача, какую можетъ имѣть обученіе пѣнію въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Но при этомъ нужно помнить, что цѣль учебнаго заведенія не въ томъ, чтобъ приготовить

нѣсколькихъ артистовъ, а чтобъ воспитать и обучить большинство, что особенно забывается при обученіи пѣнію; вмѣстѣ съ тѣмъ, очень и очень нужно помнить, что художественность внѣшности,—а тѣмъ болѣе, если она не оригинальна,—далеко не все въ искусствѣ: сущность—въ соотвѣтствіи выражаемой идеѣ, въ возможно полномъ ея воплощеніи, а не въ ничего не значащихъ случайныхъ прикрасахъ, столь же мало имѣющихъ связи съ данной идеей, какъ и со всякой иной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, учебное заведеніе не должно забывать о тѣлесномъ здоровьи дѣтей, о развитіи смѣлости, бодрости духа, въ силу чего естественное стремленіе дѣтей къ играмъ, тѣлеснымъ упражненіямъ должно находить полное одобреніе. Равно не надо забывать и самостоятельность, довѣріе къ себѣ въ области разума; кто привыкъ лишь безпрекословно подчиняться наставнической непогрѣшимости и всезнанію, тотъ, если сохранить, по привычкѣ, усвоенное въ училищѣ, тѣмъ не менѣе, будетъ послѣ, въ жизни, по Слову св. Писанія, ни холоденъ, ни горячъ, и будетъ отверженъ Господомъ, требующимъ всецѣлой и сильной привязанности (Апок. III, 15. 16).

Наконецъ, всякій христіанинъ долженъ помнить, что въ „злохудожну душу не видеть премудрость“ (Прем. I, 4), что высшее озареніе и утвержденіе въ вѣрѣ, какъ-бы видѣніе истины, дается Духомъ Божиимъ, котораго міръ не можетъ принять (Іоан. XIV, 17), и что лишь о чистыхъ сердцемъ сказано, что они Бога узрятъ.

Алексѣй Струнниковъ.
